

Н. Н. РОЗОВ

Об одном пародийно-сатирическом сборнике XVIII в.

В одной из своих последних работ, посвященных проблеме становления и развития в древнерусской литературе сатирического жанра, В. П. Адрианова-Перетц писала: «Порожденная самой жизнью, назначенная воздействовать на нее в определенном направлении... демократическая посадская сатира представляется качественно новым явлением, подготовленным и традициями сатирического изображения, складывавшимися в русской литературе всего предшествующего периода, и бурным расцветом сатирической поэзии в тех слоях трудового народа, которые активно участвовали в антифеодальных движениях XVII в.»¹

Это положение применимо и к русской демократической сатире XVIII в., когда бытовали и развивались старые, а также «порождались самой жизнью» новые произведения и жанры сатирической литературы, воздействовавшие на жизнь преимущественно в тех же направлениях — антифеодальном и антиклерикальном. Кроме того, объектом сатиры XVIII в. становятся иногда и новые «герои своего времени» — представители нарождающегося русского капитализма — со всеми их уже в то время определившимися свойствами и качествами. Наконец, в сатире XVIII в. нашла свое применение и дальнейшее развитие не только тематика сатиры предшествующего столетия, но и некоторые стилистические приемы и формы последней; особенно четко это прослеживается на примере сатирической пародии XVIII в., отразившей много черт, свойственных демократической сатире XVII в., заимствованных непосредственно из народного творчества.

В этом отношении интересен один сборник второй половины XVIII в., в котором отразилась тесная связь между двумя периодами развития русской литературы.

Сборник в 1863 г. поступил в составе собрания И. П. Сахарова в ГПБ. При записи в инвентарный каталог Рукописного отделения он был отнесен к XVII тематическому разделу (так называемая «полиграфия»), заняв в нем среди рукописей «in octavo» также 17-е место. Так сложился хорошо известный литературоведам шифр сборника О.XVII.17, под которым он был впервые кратко описан,² вошел в литературу и хранится и сейчас в ГПБ.

За исключением двух последних листов,³ сборник написан одним почерком — четкой писарской скорописью второй половины XVIII в.;

---

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954, «У истоков русской сатиры», стр. 161.

² Отчет Имп. публичной библиотеки за 1863 г. СПб., 1864, стр. 59—60.

³ На этих двух листах другим, более поздним почерком приписано: «Из хронографа о браках царя Иоанна Васильевича», причем говорится не о семи, как обычно,

заглавия написаны теми же чернилами, но крупными буквами, подражающими печатным — то старым (кириллическим), то новым (гражданским) шрифтам своего времени. В конце (лл. 155—156 об.) помещено оглавление, написанное тем же, что и весь сборник, почерком, которое приведем целиком (опуская лишь указания на листы), чтобы познакомиться с содержанием сборника.

«Оглавление басням книги сея и о бороде гимн и протчая. То значит ниже сего:

- ершеве суде,
- шемякине суде,
- птичиим совете,
- челобитне Колязина монастыря,
- куре и о лисице,
- птичиим чине на мори,
- История о купце,
- авизиах,
- Гимн бороде,
- передетой бороде,
- употреблении саксонских кресьян Отче наш,
- На имн (гимн, — Н. Р.) и передетую бороду письмо,
- Дефирамб Бакхусу,
- Хула на бороду духовных лиц».

Перечисленные здесь произведения, за исключением «Истории о купце», опубликованы и достаточно хорошо известны ученым: материалы сборника не раз были использованы исследователями, и в частности В. П. Адриановой-Перетц⁴ и М. И. Сухомлиновым при издании собрания сочинений М. В. Ломоносова.⁵ Однако состав этого интересного сборника в целом, имеющиеся на нем приписки владельцев и читателей, до сих пор еще специально не исследовались.

Между тем содержание сборника, носящего отчетливые следы сознательного подбора материала, убедительно доказывает, что для его составителя не существовало разницы между произведениями XVII в. и современной ему русской литературы XVIII в. Он лишь объединяет (в оглавлении) термином «басни» первые из них (вероятно, потому что в каждом из них действуют животные), а «Гимн бороде» и все остальное в этом сборнике (произведения, связанные с литературной полемикой вокруг сатир Ломоносова), названное им «протчая», выносит в другую рубрику, не обобщая их, а лишь перечисляя по отдельности.

Между этими двумя рубриками составитель сборника поместил «Историю о купце», по своему жанру и содержанию занимающую действительно промежуточное положение между произведениями русской демократической сатиры XVII в. и сатирами русских писателей XVIII в.

а о восьми его женах. М. Н. Сперанский установил, что эта приписка сделана рукой известного фальсификатора рукописей А. И. Сулакадзева (Сперанский, М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX в. Проблемы источниковедения, т. 5, М., 1956, стр. 100).

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. 1) Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. — ТОДРА, т. II. М.—Л., 1934; 2) Образцы общественно-политической пародии XVII—начала XIX в. — ТОДРА, т. III. М.—Л., 1936; 3) Русская демократическая сатира XVII века. 4) Библиография древнерусской повести (в соавторстве с В. Ф. Покровской), в. I. М.—Л., 1940.

⁵ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1893, примечания и комментарии. «Птичий совет» и «Чины на море» были опубликованы по этой рукописи Х. М. Лопаревым (ПДП, № 96, 1896), а Калязинская челобитная — в сборнике «Русская повесть XVII в.» (Л., 1955).

От традиций русской сатиры XVII в. «История о купце» унаследовала и яркую сатирическую форму, и социальную направленность. Объектом сатиры в ней является некий мещанин, выбившийся в купечество, да еще в «президенты гостиной сотни» и поэтому зазнавшийся. В «Истории» осмеиваются главные, типические свойства характера этого «мещанина в купечестве» — заносчивость, хвастовство, чванство, рабское тяготение к «знатым домам», влечение к иностранцам. В изложении похждений героя черты реальной жизни, быта и даже топографии Петербурга второй половины XVIII в., в котором происходит действие, перемежаются и переплетаются с эпизодами сказочно-басенными, скоморошьими.

Из наблюдений над реальной жизнью в «Истории о купце» взято меткое замечание о «превеликих того града (Петербурга, — Н. Р.) разстояниях, имущаго в себе во всех улицах и вертоградех каменные мосты» (речь идет, очевидно, о каменных мостовых, появившихся в Петербурге еще в 1714 г.; первые каменные мосты через реки и каналы были построены лишь в 1762 г.), упоминание о «трактирах», в которых герой, уверявший, что его постоянно приглашают «в знатнейшия дома иногда для кушания, овогдаж для увеселения», «имел кушать за свои деньги», о поездке его «в предзнатнейшее место, где учинилось видеть збывшуюся тамо комедию», и многое другое (например, упоминание «обмывальницы» при доме, где он остановился). Знание быта столичного портового города отразилось также в употреблении морской терминологии.

И все это перемежку с балагурством, скоморошеством, шутовством. «Нарочная и zelo убранная колесница» оказывается сделанной «ис плодов древесных ветвий и огородных листов», запрягаются в нее не лошади, а голуби; для перевоза через реки употребляется «изрядное судно, зделанное ис песка, машты его бяху построены из воздуха, вымпал — из земли, а фок и грот, то есть парус, — ис облак».

Элементы безудержного балагурства и скоморошества усиливаются и становятся совершенно неумеренными в следующих за «Историей о купце» и тесно связанных с нею «Авизиях». Хотя эти «Авизии» оформлены как составная и заключительная часть «Истории о купце»,⁶ их следует рассматривать как самостоятельное произведение, относящееся к мало известной разновидности сатиры XVIII в. — пародии на газетные известия.

От «Истории о купце» «Авизии» отличаются не только по форме, но и по содержанию. Если в «Истории» отчетливо чувствуется какой-то подтекст и вполне возможно, что специальное исследование обнаружит, против кого именно направлено это произведение (признаки адресата этой сатиры обозначены достаточно определенно: гостинный староста города Тобольска 1735 г.), уточнить его датировку, место и обстоятельство сочинения, то в «Авизиях» вряд ли удастся уловить что-либо конкретно-историческое: это пародия на газетные известия вообще, в целом. Трудно заподозрить какую-нибудь аллегорию в такой, например, «Авизии ис Мандрита»: «Город Кадикс выконопатили и вывели в море. Стоят на якирях и дожидаются способных ветров итти в Галандию».

⁶ Переход от «Истории о купце» к «Авизиям» оформлен следующей фразой: «...имел оной старшина друзей таковых же подобных себе иноземцов и чрез их получал себе разные авизии. . . с которых при сем прилагается список от слова до слова». Соединение этих двух произведений в одно свидетельствует о творческой инициативе составителя сборника, о его чуткости к литературным жанрам: оба эти произведения носят черты редкого и отжившего уже в XVIII в. жанра скоморошьих, шутовских пародий.

Ценность «Авизий» заключается прежде всего в том, что несмотря на свою шутовскую форму они написаны человеком, если не образованным вообще, то начитанным по части газет и географической литературы, а может быть, и человеком, много путешествовавшим. Он, например, знает, что в Париже есть «Трунфальные» (триумфальные) ворота, а в Каспийском море, у берегов Персии, водятся тюлени. Однако балагурское, скоморошье обличье «Авизий», близкое к распространенным в то время в самых «низших» слоях общества жанрам народного творчества, дает основание предположить в их авторе представителя этих слоев общества, отнести их к демократической, посадской сатире XVIII в., развивавшейся в новых исторических условиях тематику и характерные черты того жанра, к которому относится «Лечебник на иноземцев» и некоторые другие произведения демократической сатиры предшествующего столетия.⁷

Непосредственно за «Авизиями» следует знаменитый «Гимн бороде» М. В. Ломоносова, а далее приписываемая ему же пародия на молитву «Отче наш»⁸ и три других стихотворных сатирических произведения, вызванных к жизни полемикой по поводу сатир Ломоносова,⁹ а также два прозаических произведения противников Ломоносова — так называемые письма Христофора Зубницкого.¹⁰ Такая циклизация в одном сборнике всего круга произведений, возникших в пылу полемики вокруг сатир Ломоносова, в сборнике, составленном не позднее как в первое десятилетие после появления «Гимна бороде» в местах, весьма отдаленных от Петербурга (судя по припискам, о которых речь будет ниже), свидетельствует о том, что и сатиры Ломоносова, и отклики на них очень скоро получили всероссийское распространение. Сатиры Ломоносова оказались в этом сборнике помещенными рядом с произведениями русской демократической сатиры XVII в., направленными против тех же представителей «социальных верхов», и в частности против духовенства (Калаянская челобитная, Повесть о куре и лисице), что является убедительнейшим свидетельством популярности их среди широких демократических кругов русской провинции второй половины XVIII в.

Последнее подтверждается также сведениями о владельцах и читателях этого сборника, имеющимися в приписках на нем (все они сделаны почерками конца XVIII и начала XIX в.). Первая из них гласит: «Сия книга города Якуцка купца Федора Васильева Макарова Подписал своеручно марта 2 дня 1768 году» (л. 1 об.). Далее (по лл. 2—21) четыре раза повторена скрепа: «Ис книг Александра Шапошникова купца воло-

⁷ Текст «Авизий» по этому и еще одному (Мазуринскому) списку был опубликован В. П. Адриановой-Перетц в статье «Юмористические куранты» (Ученые записки Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 67, Л., 1948, стр. 48—56), причем они рассматриваются также как самостоятельное произведение. Автор приводит многочисленные примеры сообщений допетровских «курантов» и петровских «Ведомостей», которые могли дать повод для паоодирования.

⁸ Об этом см.: В. П. Адрианова-Перетц. Образцы общественно-политической пародии XVIII—начала XIX в., стр. 338—340.

⁹ Это «Переодетая борода, или Гимн пьяной голове», «Дифирамб Бахусу, обретающемуся в ученом пните» и стихотворение «О страх! О ужас! Гром, ты дернул за штаны» — ответ Ломоносова на нападки его противников.

¹⁰ Долгое время автором этих писем считался В. К. Тредиаковский (об этом, например, безапелляционно пишет М. И. Сухомлинов, опубликовавший их в комментариях ко 2-му тому сочинений Ломоносова вместе с перечисленными выше стихотворениями по этой рукописи). Новейшие исследователи отвергают предположение об авторстве Тредиаковского и приписывают эти письма архиепископу Сильвестру Кулябке (В. Н. Перетц К биографии Ломоносова — Ломоносовский сборник СПб, 1911, стр. 85—103) или митрополиту Дмитрию Сеченову (П. Н. Берков Ломоносов и литературная полемика его времени. М.—Л., 1936, стр. 225).

годского». Это два, очевидно, следовавших друг за другом владельца сборника; а вот несколько его читателей, оставивших свои записи на последнем, 158-м, листе: «Читал сию историю казак Василей Чирков», «Читал и списывал ершев сут екуцкой посаской Иван Лебеткин»; «Читал иркутский купец Иван Булдаков».

Итак, сборник сатирических произведений, в котором в тесном соседстве или, лучше сказать, в содружестве уживаются сатиры Ломоносова с произведениями русской демократической сатиры XVII в., из Сибири, где он побывал в Якутске и Иркутске, попал в Вологду, а затем в Петербург, найдя своих читателей и распространителей-переписчиков среди провинциального посадского люда и купечества.

Есть на этом сборнике еще одна приписка (на том же последнем листе) — приписка анонимная, сердитая: «Книгу должно бросить в воду с камнем, да не научатся врать!»;¹¹ ее мог сделать, вероятно, только кто-нибудь из тех, в кого била сатира XVII в., кого гневно обличал в своих сатирах М. В. Ломоносов. Эта приписка — хорошая иллюстрация приведенной в начале настоящей заметки цитаты: «порожденная самой жизнью», посадская демократическая сатира XVII в., наряду с развивавшей ее традиции демократической сатирой XVIII в., наряду с сатирическими произведениями великого Ломоносова, «воздействовала на жизнь в определенном направлении» и через сто лет после своего возникновения.

---

¹¹ После этой следует приписка, сделанная рукой И. П. Сахарова: «Она (эта книга, — Н. Р.) и была кинута в воду, но вскоре вытащена была и попала на толкучей рынок в Санктпетербурге 1817 в генваре и куплена за 5 рублей, ибо и из вранья можно чему-нибудь да научиться». Однако в достоверности этой приписки приходится усомниться, так как книга не имеет никаких признаков пребывания в воде (она вообще отлично сохранилась). Кроме того, слишком хорошо известно, что И. П. Сахаров имел обыкновение мистифицировать читателей. Рукой Сахарова сделано еще несколько приписок библиографического характера в начале «Шемякина суда» (л. 56 об.), в которых приводятся сведения об изданиях этого произведения (по Сопикову), об упоминании Шемяки у Н. М. Карамзина («1446. С сего года сей суд стал славен в России. Зри Ист. Рос. Карамз. ч. V, 311, 543 стран.»), а также в начале Калязинской челобитной (ссылки на «Российскую иерархию» по поводу упоминаемых в этом произведении архiereя и архимандрита).